

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.143.79>**ИССЛЕДОВАНИЕ ЖЕНСКОГО НАКОСНИКА МОРДВЫ-МОКШИ: КОЖА И МЕТАЛЛ КАК КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРЫ**

Научная статья

Шигурова Т.А.^{1,*}, Логинова М.В.²¹ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2}Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shigurova_tatyana[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию материалов, из которых в VIII–IX вв. н.э. был создан женский накосник мордвы-мокши *пулокерь*. Обилие предметов из кожи и металла в южных археологических памятниках мордвы свидетельствует о существовании древней традиции их использования для изготовления костюма. Мордовскому народу были известны приемы обработки сырья, разнообразные инструменты трудовой деятельности. Анализ археологических, лингвистических, фольклорных, мифологических источников показывает, что творческие процессы преобразования природного сырья в изделие соответствовали требованиям культуры по адаптации человека в культурно-историческом пространстве; способствовали проникновению материалов в духовную сферу, ценностно-смысловые глубины сознания, формирующие важнейшие категории традиционной культуры. Прослеживается взаимосвязь кожи и металла, различных по происхождению, способам обработки, качествам (мягкость, эластичность, прочность, жесткость, надежность). В связи с цельностью средневекового мирозерцания они приобрели актуальность в культуре. Кожа и металл поочередно сблизилась с системой ценностей мордовского народа от реального предметного мира (орудия труда, оружие, одежда, обувь, защитный костюм – шлем, кольчуга), до эстетических и магических (украшения) и экономического эквивалента доверия между людьми (деньги).

Ключевые слова: ценности, женский головной убор, накосник, кожа, металл.**A STUDY OF THE MORDVA-MOKSHA WOMEN'S BRAID DECOR: LEATHER AND METAL AS COMPONENTS OF THE STRUCTURE**

Research article

Shigurova T.A.^{1,*}, Loginova M.V.²¹ORCID : 0000-0001-5342-8471;^{1,2}National researcher Mordovian State University named after. N. P. Ogareva, Saransk, Russian Federation

* Corresponding author (shigurova_tatyana[at]mail.ru)

Abstract

The article is dedicated to the study of materials that were used to make a female braid decor of the Mordva-Mokshi Pulokey in the VIII–IX centuries A.D. The abundance of leather and metal objects in the southern archaeological sites of the Mordva indicates the existence of an ancient tradition of their use for making costume. The abundance of leather and metal objects in the southern archaeological sites of the Mordovians testifies to the existence of an ancient tradition of their use for making costume. The Mordovian people knew the techniques of processing raw materials and various tools of labour activity. The analysis of archaeological, linguistic, folklore and mythological sources shows that creative processes of transformation of natural raw materials into a product corresponded to the cultural requirements for human adaptation in the cultural and historical space; they contributed to the penetration of materials into the spiritual sphere, value and meaning depths of consciousness, forming the most important categories of traditional culture. The interrelation of leather and metal, different in origin, processing methods, qualities (softness, elasticity, strength, rigidity, reliability) is traced. Due to the wholeness of the medieval worldview, they gained relevance in culture. Leather and metal in turn came closer to the system of values of the Mordovian people from the real object world (tools, weapons, clothing, footwear, protective costume – helmet, chain mail), to aesthetic and magical (jewellery) and economic equivalent of trust between people (money).

Keywords: valuables, women's headwear, headband, leather, metal.**Введение**

Традиционный женский костюм мордовского народа – уникальное достояние («память культуры»), в котором зафиксированы сложность процессов этногенеза, этническая специфика его носителя, безупречный вкус коллективного создателя. По мнению Р. В. Захаржевской, «костюм – самый тонкий, верный и безошибочный показатель отличительных признаков общества, маленькая частица человека, страны, народа, образа жизни, мыслей...» [3, С. 31]. При изучении истоков происхождения уникального элемента головного убора мокшанских женщин нами установлено, что накосник *пулокерь* своим появлением в IX веке обозначил характер времени и настоятельную потребность женщины в решении собственных проблем: «импульсом для рождения нового артефакта явилась острая необходимость сегрегации социальной группы замужней женщины, подчеркивания важности ее статуса в обществе и семье...» [21, С. 81].

Народное творчество обладает уникальной способностью улавливать достойные, надежные материалы, являвшиеся одновременно не только необходимыми и полезными в повседневности, но и красивыми, эстетически воздействующими на окружающих. Новый элемент костюма наконник *пулокерь*, стремительно набирающий популярность в эпоху средневековья, характеризуемого цельностью мирозерцания и ограниченностью технических возможностей в сфере традиционного костюма, не мог возникнуть из каких-либо случайно используемых материалов. В данной статье предпринята попытка установить причины востребованности кожи и металла, хотя наряду с ними при изготовлении одежды использовался самотканый холст; встречаются в памятниках и образцы привозной шелковой и парчовой ткани.

Методы и принципы исследования

Современное знание о культуре мордовского народа IX–X вв. и женском традиционном костюме необходимо расширить результатами историко-культурологического исследования лингвистических, фольклорных, мифологических источников, а также артефактов археологических памятников, уцелевших от разрушительного воздействия безжалостного времени и сохранивших результаты творческой деятельности мастеров далекого прошлого. Так, предметы из Крюково-Кужновского, Пановского и других мордовских могильников А. П. Смирнов оценивал как уникальные собрания, представляющие в связи с крайней скудностью письменных источников «единственный в СССР по полноте, богатству и научной доброкачественности материал по истории мордвы VII–XI вв. нашей эры» [4, С. 8]. А. Е. Алихова особо подчеркнула ценность археологической коллекции, хранимой Моршанским историко-художественным музеем (основан П. П. Ивановым), в связи с возможностью восстановления жизни народа, его верований, социальных отношений в переходный период истории, когда происходили значительные изменения в материальной и духовной культуре, связанные с влиянием арабского Востока, Хазарского Каганата, Волжской Болгарии, Русских княжеств и одновременно с взаимным влиянием мордвы на соседние народы: «ценность этих материалов особенно увеличивается благодаря их массовости» [10, С. 4]. Сказанным определяется актуальность обсуждаемой проблемы.

Основные результаты

Исследование образцов первых наконников, представленных в могильниках «Красный Восток», «Крюково-Кужновский», «Лядинский» [4], показывает, что при их изготовлении использовались кожа и металл, совершенно противоположные, казалось бы, по своему происхождению, способам обработки, приобретаемым качествам. Однако обращают на себя внимание сами наименования этих материалов в мордовских языках, оказавшиеся созвучными друг другу, а также слову *хлеб*: *киша* (выделанная сыромятная кожа), *киши* (железо), *киши* (хлеб, печеный). Вероятно, это было связано с визуальным сходством сырья, отмеченным женщиной-мастером в процессе обработки вышеназванных материалов, при использовании разогретой печи в период существования натурального хозяйства – первоначально для плавки и литья небольшого количества мелких изделий из металла (судя по размерам сохранившихся льячек и тиглей), а протопленную и долго не остывающую печь – для приготовления пищи, хлеба.

Доступность кожи и меха в лесной зоне Среднего Поволжья с глубокой древности определила популярность кожи, используемой в качестве одного из первых материалов при изготовлении одежды, обуви, ремней, сумок и других предметов. В народной культуре, технологически ограниченной «примитивностью прядения, ткачества и традициями быта», ориентированной на долговечность вещи с учетом всех затрат, вещь создавали с максимальной экономией природного ресурса [3, С. 57]. Кожевенное дело относилось к традиционным занятиям мордовского народа. Для обработки кожаного сырья и производства изделий использовались лощила, ножи (*неель*), шилья (*уро* – эрзя, *урня* – мокша), обнаруженные в археологических памятниках. Изделия органического происхождения в могильниках сохраняются крайне редко. Большая часть предметов (56%) мордовскими мастерицами изготавливалась из сыромятной кожи, которую чистили, соскабливая все лишнее (*киргамс* – эрзя, *къргамс* – мокша; «соскрести», «скоблить»), сушили (*косякфтамс*), пропитывали животным жиром (*куялгодомс* – «жировать» (от *куя* – «животный жир») [13, С. 121], [16, С. 91]. В мокшанском языке сохранился термин, обозначающий процесс дубления – *ляпомгофтома*, происхождение которого может быть связано с индо-европейскими языками: др.-инд. *lepas* – «мазь»; ... греч. *lipos* – «жир» [13, С. 111], [15, С. 484].

По мнению М. С. Королевой, которая исследовала кожаные вещи, сохранившиеся в мордовских могильниках рубежа I–II тысячелетий н.э., «большая часть рассмотренных образцов ...кожи может быть отнесена к элементам женского костюма» [6, С. 13]. В наибольшей степени изучены среди кожаных изделий пояса, обувь (туфли, сапоги) и обувные наборы, сумки. Кожаные пояса были простыми по своей конструкции и сложными, сложносоставными: они формировались из нескольких фрагментов, которые содержали разнообразные подвески из кожи, закрепляемые на ремне. Бытовали женские поясные подвески на кожаных тонких ремешках: «На поясничной части был положен ремешок с железными бляшками прямоугольной формы, внизу с подвижными колечками. Пояс в одном конце с железной прямоугольной пряжкой, в другом – с продолговатым наконечником... Все эти подвески были снизаны на тонких ремешках в одну кисть и привязаны к поясу. В кисти с бронзовыми подвесками подвешен железный нож, длиной с черенком 11 см» [10, С. 117]. Поясные наборы могли использоваться в качестве оберега: «В женском погребении № 446 «...с правой стороны, на месте плечевой части, мужем умершей положен был ремешок с литой массивной пряжкой в виде сплюснутого кольца с обоймицей и округлым концом. На обоймице стилизованный восточный орнамент. В другом конце пояса обломок бронзового литого наконечника с прорезным кольчужным орнаментом» [10, С. 142].

Реконструкцию кожаных туфель впервые осуществил В. Н. Мартыанов, обуви и сумок – И. М. Петербургский. М. С. Королева исследовала изделия из текстиля и кожи, сохранившиеся в мордовских могильниках I – начала II тысячелетия н.э.: «Женщины оборачивали свои ноги онучами и стягивали их кожаными оборачивками с бронзовыми обоймочками (так же были установлены только в памятниках мокши)» [6, С. 20]. Кожаные башмаки широко

представлены в средневековых погребениях мордовского народа. Так, в погребении № 354 Крюково-Кужновского могильника зафиксированы «на концах берцовых костей остатки от обуви – кожаных башмаков, обшитых по краям верхов бронзовыми спиральными короткими пронизками в два ряда» [4, С. 115]. Понятие крепкий, надежный, прочный *кеме*, включающее семантику полезности и удобства, надежности и практичности, стало в мордовской культуре наименованием кожаной обуви, сапог *кяме* (мокша), *кем* (эрзя). Название *одежда* в мордовских языках также связано с соответствующим материалом, будучи соотнесено с выражением «*надеть шубу*».

Из кожи изготавливали вещи для хранения и переноски различных предметов. В археологических памятниках встречаются кожаные сумочки: в погребении № 448 «железная трубчатовидная обоймица от кожаной сумочки»; в погребении № 543 «остатки кожаной сумочки с овальным дном, прошитой по краям бронзовой плоской проволокой, сверху с железной трубчатовидной обоймицей» [4, С. 143, 171]. Изготавливали многочисленные элементы крепления, шнуры или ремешки для подвешивания украшений и необходимых предметов к одежде, поясу. Кожа использовалась для создания ожерелий, снизанных на ремешках, состоящих из нескольких звеньев (рядов).

Кожу следует считать важным материалом, используемым женщиной для скрепления волос. К сожалению, до сих пор не исследовалась кожа в качестве материала накосника, вероятно ввиду малого размера аксессуара. Однако в этом малом получила отражение определенная специфика традиции, связанная с особенностями локального варианта мордовской культуры. Так, в большинстве женских погребений Крюково-Кужновского могильника находим сохранившиеся элементы разнообразных накосников, изготовленных с применением кожи. Например, в погребении № 449 «...косник был снизан на ремешке в три конца разрезанных в нижней части» [4, С. 143]. Популярным типом косника у цнинско-Вадской мордвы был теменной ременной шнур, обложенный прямоугольными бронзовыми обоймицами...» [4, С. 144]. Теменной шнур встречался одновременно с косником из тонких ремешков с подвесками. В погребении № 566 представлен «другой косник (теменной шнур) из ремешка, разрезанного на три конца и обложенного бронзовыми прямоугольными обоймицами, в концах с продолговатыми наконечниками-обоймицами, в нижних концах с тремя трубчатовидными подвесками (этот косник спускался на грудь)» [4, С. 178].

В погребении № 571 Крюково-Кужновского могильника сохранился косник из кожи, который демонстрирует начало рождения *пулокера*: «...верхний конец ремешка обвивает косичку из темных волос» [4, С. 180]. Таким образом, кожа была естественным, легкодоступным природным материалом, используемым женщиной для скрепления волос, однако по причине плохой сохранности образцов кожаных изделий их изучение в настоящее время ограничено. Кожаная основа накосника, будучи органической по происхождению, обладала множеством ценных качеств (*мягкость, износостойкость, эластичность*), которые наполняли соответствующей семантикой изделие человека. Процессы преобразования кожи из природного материала в культурное изделие знакомы многим народам на территории России и в мире: «сложность этапов деятельности человека по преобразованию природного сырья в материал, отвечающий моральным, эстетическим и религиозно-магическим представлениям, наполняла созидательные процессы новым смыслом, вводила их в сферу духовной культуры» [20, С. 31].

Использование кожи в качестве материала для создания одежды и, в частности, как основы для накосника, отражало восприятие человеком окружающего мира в таких материалах, которые были пригодны для адаптации в климатических и природных условиях Среднего Поволжья. Ф. Энгельс, характеризуя экономические основы жизни пастушеских племен, писал: «скот приобрел функцию денег и служил деньгами», аналогично в мордовской культуре обнаружена глубина и прочность проникновения натурального материала в духовную сферу, что объясняет ее восприятие в качестве ценности культуры. Так, наименование кожи / меха *белки* – *ур* стало в мордовских языках связано с обозначением понятия деньги, а также «сохранилось осмысление древней мордвой слитности материала одежды с самим человеком» [19, С. 42]. Обращает на себя внимание разнообразие терминологии, связанной с понятием «ценность» в мордовских языках, что само по себе свидетельствует о его важности в культуре и частом использовании в речи. Большинство существующих терминов являются финно-угорскими по своему происхождению и имеют соответствия в родственных языках: финском, марийском, эстонском, саамском и др. Они характеризуют сферу эмоционального общения между людьми, межличностные отношения: *шнамс* – «хвалить», *ванфтомс*, *ванстомс* – «беречь»; *кельгомс* – «любимый», «необходимый», «нужный»; *вечкемс* – «любимый», «уважаемый». Происхождение термина *питне* / *питни* (мокша), *питне* / *питней* (эрзя) лингвисты связывают с сарматским языком *питон* – «цена» [16, С. 148]. Семантика слова *питне* соотносится со сферой экономической стоимости: оно могло быть сопряжено с осознанием ценности кожи / меха, сформировавшейся в результате межкультурных связей и взаимодействия народов, развития торговли и обмена товарами между ними.

Процесс создания нового в искусстве народного костюма тесно был связан с творческой деятельностью человека и традицией, доминирующей в эпоху средневековья. Кожа и металл были распространенными материалами при создании аксессуаров традиционного костюма мордовского народа. Использование мастерами-женщинами только природного ресурса (кожа) при изготовлении накосника оказалось недостаточным. Потребности улучшения качества изделия, цвета и выразительных средств декора, связанных с выполнением важных социо-культурных функций, обусловили необходимость изменений в данном аксессуаре костюма. Стали привлекать новое сырье, обрабатывать его при изготовлении накосника в соответствии с хорошо освоенным ремеслом, привычной деятельностью, творческими возможностями. Благодаря таким качествам, как прочность, твердость, ковкость, ключевым материалом для создания орудий труда, оружия и украшений стали металлы. Одним из первых металлов, известных на территории, ныне относящейся к Мордовии, была медь, а первыми металлургами стали имеркские племена (III тыс. до н.э.). Бронзовые изделия на территории Среднего Поволжья первыми изготавливали во II тыс. до н.э. представители фатьяновско-балановской культуры. Абашевские и срубные археологические памятники (середина II тыс. до н.э. – XVII – XVI вв. до н.э.) сохранили обилие украшений женского костюма. Ученые, исследовавшие средневожскую абашевскую культуру, отмечают единство «системы костюма в Среднем Поволжье и южной части Центральной Европы с примыкающим к ней карпато-дунайским регионом», характеризуя культуру как продукт «взаимодействия пришлого и

местного населения» [11, С. 132]. Известно, что женщины абашевской культуры расшивали свои одежды металлическими украшениями, сворачиваемыми из проволоки [8, С. 62]. Понятие *проволока* в мордовских языках является ираноязычным по своему происхождению: *уське* (эрзя), *уська* (мокша) – «провод», «проволока» [16, С. 197]. Сохранились сведения, что женщины носили перстни и кольца, которые были «сделаны из тонкой, круглой в сечении, бронзовой проволоки (в одном случае – из серебряной)», а браслеты изготавливали из тонкого прутка или проволоки [9, С. 465, 462]. Таким образом, уже в глубокой древности производство медной и железной проволоки, выполнявшейся техникойковки, было разновидностью ювелирного искусства. Из бронзовой проволоки, прута изготавливали и шейные гривны.

По мнению Ф. Энгельса, «все культурные народы переживают свою героическую эпоху, – эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья» [22, С. 181]. В начале I тыс. н.э. на территории Среднего Поволжья наблюдается массовое распространение железного оружия, с середины I тысячелетия увеличивается его количество и разнообразие: копья, стрелы, мечи, сабли, кистени, топоры, ножи. По мнению исследователей костюма, «физическая сила как главенствующий признак жизнеспособности людей раннего Средневековья проявляется в одежде и ею поддерживается» [3, С. 60]. Знакомство предков мордвы с защитными доспехами произошло в начале I тысячелетия н.э. Кольчуги и шлем впервые были обнаружены П. Д. Степановым в Андреевском кургане (II в. н.э.): «Кольчуги были сделаны из колец и принадлежали вождям» [14, С. 31]. Следует отметить, что уникальность этого археологического памятника определяется коллекцией его артефактов, которые «редки для данной эпохи»; они представлены в экспозиции ГИМ в Москве (см. рис. 1).

Рисунок 1 - Кольчуга. Андреевский курган (II в. н.э.)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.143.79.1>

Примечание: <https://nav.shm.ru/exhibits/2471/>

Культура всегда способствует выживанию человека. Поэтому развитие религиозных представлений следует сразу за практикой использования человеком железа – доступного и легко обрабатываемого материала. В мордовском народном эпосе «Масторава» роль металла оценена очень высоко. Он преподнесен как идеальный материал для изготовления одежды вождя: у инязора Тюштяна вся одежда и аксессуары исключительно изготовлены из железа:

«У него зипун железный.

И себя он подпояшет

Тонким поясом железным;

В лапти ноги он обует –

Из железа его лапти» [17, С. 384].

«Нарядился он в зипун железный,

В сапоги железные обулся,

Голову покрыл железной шапкой,

Поясом железным повязался,

Медную трубу на грудь повесил,

Жезл железный в правую взял руку» [17, С. 387–388].

В течение I тысячелетия н.э. кольчуга, ее детали осмысливались мордовским народом в качестве безусловного оберега; они регулярно встречались в захоронениях, особенно – в детских и женских могильниках: «... обрывки кольчуг находили чаще в женских и детских захоронениях, очень редко – в мужских. Не исключено, что они играли роль оберега или входили в дарственный комплекс» [12, С. 41]. Во 2 погребении Крюково-Кужновского могильника «обрывок бронзовой кольчуги из спаянных колец» был включен в состав ожерелья вместе с разнообразными бусинами

из стекла и разноцветных паст» [4, С. 11–12]. Кольчуги были обнаружены в погребениях № 186 и 198 Армиевского I грунтового могильника и в погребении № 50 в Селикса-Трофимовском могильнике.

Вместе со значительным ростом количества металлических предметов (орудий труда и оружия) в мордовской культуре увеличивается и число украшений (застежки ворота, сережки, браслеты, кольца, ожерелья). Культура словно стремится противопоставить смертельной опасности те средства, которые способны ограничить агрессию, – межкультурную коммуникацию, религиозные убеждения, обычаи и обряды, искусство. Традиция изготовления ювелирных украшений, существовавшая у городецких племен – предков мордовских племен, украшения из золотой проволоки были обнаружены уже среди материалов погребений № 34, 40, 53 Андреевского кургана: «вероятно, ношение таких привесок из бронзы или золота было всеобщим явлением, они часто находились в захоронениях в насыпи кургана» [14, С. 41].

Ювелирное творчество мордовской женщины сложилось и развивалось в определенных природных, экономических, исторических условиях Среднего Поволжья, что влияло на специфику устойчивых форм хозяйственной практики и технологии. Выбор металла для создания наконечника, несомненно, определялся объективными качествами материала, такими как прочность, жесткость, что соответствовало суровому характеру средневековья, было вызвано необходимостью адаптации человека к изменившимся историческим условиям жизни.

Анализ артефактов ряда южных мордовских могильников (например, Крюково-Кужновского, Пановского и др.) показывает обилие металлических украшений, выполненных с использованием технологийковки и литья. В мордовских языках существует самобытная терминология древних технологических приемов обработки металлов: литье – *валома* (*валомс* – «лить»), ковка – *шавомс* (*шавомс* (мокша), *чавомс* (эрзя); «дарить», «бить», «вбить» [16, С. 23, 202]. Заметим, что в мордовских языках название кольчуги передается словосочетанием *кишнь сумань* («железный кафтан»). Процесс ее создания отражен лексически в образовании *клепать* – *кемекстамс* («укрепить», «скрепить») [16, С. 65], содержащим единую семантику с приведенным выше обозначением понятия качества кожи: *кеме* («крепкий», «надежный», «прочный»), к которому добавлен смысловой компонент *стамс* («шить самому») [16, С. 65], [13, С. 546]. Семантико-этимологический анализ лексики свидетельствует о тесной связи различных по происхождению и качеству материалов (кожа и металл), ставших наиболее распространенными и ценными у мордовского народа в эпоху средневековья и объединенными женщиной в наконечник благодаря творческой созидательной деятельности.

Во время археологических раскопок многих городищ (Кошибеевский, Темниковский, Теньгушевский) были исследованы ювелирные мастерские, где сохранились инструменты ювелирного дела: бородки, небольшие железные молоточки, наковальни, шарнирные ножницы, небольшие щипцы, полукруглые долотца, напильники, пилки и зубила. С V по XV века мордовские мастера использовали литейные принадлежности: в Примокшанье продолжали «использоваться *литейные формы* (могильники Шокшинский, Крюково-Кужновский, Журавкинский II, Елизавет-Михайловский), *лячки* (могильники Крюково-Кужновский, Шокшинский, Пановский, Красный Восток, Лядинский, Журавкинский II, Елизавет-Михайловский, Ст. Бадиковский II), *клещи* (Пановский, Елизавет-Михайловский могильники)», найденные в женских захоронениях [1].

Металл широко применялся средневековой мордвой рубежа I–II тысячелетий для украшения костюма, что отразилось в устном народном творчестве. Легендарная героиня Нарчатка в мордовском эпосе «Масторава» носит головной убор, подобный шлему: «*пижень касмосо копачзь прятне*» «медью покрыта макушка головы» [23, С. 404].

Таким образом, женщина использовала для создания наконечника наиболее популярные в культуре этого исторического периода надежные и прочные материалы, известные способы обработки сырья и инструменты. Минимализм выразительных средств кожаной основы наконечника компенсируется надежным и уверенным, спокойным блеском и прочностью металла благодаря окручиванию кожаного ремешка проволокой. Понятие *блеск, блестять* (*цитнема, цитнемс*) в мордовских языках по своему происхождению связаны с индо-европейским языком-основой, ближайшие аналогии в персидском – *setare* «звезда», таджикском – *ситора* «звезда», в латинском – *sidus* «звезда, светило, в русском – *свет*» [16, С. 201]. В зависимости от используемого материала проволоки – медного, бронзового или серебряного – появлялся более сдержанный, холодный оттенок или теплый, что добавляло привлекательность костюму. Нельзя исключать и того, что дополнительное декорирование наконечника металлической проволокой отражало желание носителя выделить себя в обществе, подчеркнуть статус замужней женщины, равно члена важной социальной группы.

Обсуждение

Н. В. Жилина называет «металлический убор» Древней Руси «...наследием архаической культуры железного века, когда металл слыл главным показателем достатка и состоятельности человека...» [2, С. 93]. Хорошо видимая металлическая поверхность наконечника создавалась сплошным заполнением пространства при помощи тонкой бронзовой, медной или серебряной проволоки. При отсутствии отвлекающих мелких деталей декора внимание окружающих было концентрировано к тонко расчленившей идею предмета, поставленной создателем цели, в которой зафиксирована необходимость, с одной стороны, защитить себя (закрутить, обвить), а с другой – контролировать свои действия, поступки; держаться в определенных границах, рамках. Новизна предмета, созданного при использовании твердого, жесткого материала, плотно сжимающего косу, транслировала появление твердых моральных установок общества, необходимость формирования определенного характера женщины. Трудно не согласиться с точкой зрения исследователей, считающих, что «жесткость – символическое уравнение физической силы и «вертикальности» с моральной чистотой и стойкостью», ...«теснота (ассоциация возникла, бесспорно, в связи с плотно прилегающей одеждой) – явление физическое, но очень легко и свободно переносится в моральную сферу, ...может символизировать жесткий контроль человека над собой (держаться «в узде» свои страсти)» [5, С. 290].

Язык ювелирного искусства настолько давно и прочно был освоен мордовской женщиной в качестве художественного средства выразительности, что в фольклорных произведениях семантика металла использовалась для

передачи женской судьбы. Так, Паксине, причитающая во время предсвадебного обряда о своем девичестве, выражает свои чувства через сравнение своих эмоций с процессами плавления металлов:

«Я теперь, мой батюшка,
Сама таю, как свинец,
Исчезаю, словно медь» [17, С. 470].

Гениальность коллективного творца накосника мордвы-мокши проявляется в закономерном развитии традиции и сохранении народного ремесла, коллективной памяти, в оптимальном использовании природных и искусственных ресурсов, гармонично слившихся в единое произведение декоративно-прикладного искусства, которое стало на тысячелетие важной деталью женского головного убора. Уникальное сочетание различных качеств кожи и металла стало удивительно стойким символом этнической культуры мордвы-мокши и многогранным художественным образом, в котором органично сочетаются ясность идеи упорядоченности женской сути, стремление к гармонии души и тела, сознания и деятельности, эмоций и мыслей.

Следует отметить, что появление в одних памятниках (Красный Восток, Крюково-Кужновский, Лядинский) первых образцов накосника и первых на территории края металлических денег можно считать знаком предстоящих изменений в культуре мордовского народа. Женщина в кризисные моменты жизни опиралась на прочную веру в богов, результаты собственной творческой деятельности, надежность металла и силу оружия, магические амулеты, но стала уже обозначаться наивная вера в другое изделие из металла – деньги, становившиеся эквивалентом слепого доверия не только по отношению к расчетливым купцам, но и к чужим ценностям. В погребении № 349 Елизавет-Михайловского могильника представлено использование женщинами монет в качестве украшения. На ожерелье из стеклянных «желтых, синих и зеленых бус» прикреплены «четыре серебряные арабские монеты», которые уже начали конкуренцию и будут вытеснять другие изделия в мордовских украшениях [4, С. 113]. Вероятно, именно в это времена понятие деньги обогатилось новым термином *ярмак* («деньги», «монета»), связанным своим происхождением с тюркскими языками [16, С. 222]. Металлические монеты станут эквивалентом не только экономической ценности, стоимости всего, но и доверия между людьми – незнакомыми, в том числе чужими. Даже в мифологии появились новые термины – названия иностранных монет (например, *талер* – германская серебряная монета). Героиня эпоса мокшанская царица Нарчатка предстает одетой в лучшую вышитую рубашку, подпоясана стамедным кушаком, а на груди у нее повешена связка денег – «Ярмак керькст мештеванзо понгавтни» [23, С. 391]. В будущем все сильнее проявится власть металла, стремящегося быть главной ценностью и в мире, и в душе человека.

В XI в. мокшанские женщины перешли к помещению косы в специальный футляр из каких-либо материалов: иногда сохранялись следы использования ткани, но окончательный выбор был сделан в пользу наиболее распространенного, бесплатного и легкого в обработке материала лесной зоны Среднего Поволжья – коры дерева и даже – древесины. Последовательность изменений в использовании материалов для изготовления женского накосника (замена кожи на кору) и произошедших переменах во всей системе украшений костюма, свидетельствуют о важности исторических событий, повлиявших на трансформацию культурных ценностей. Мы видим, что искусство традиционного мордовского костюма оставалось открытым к коммуникации в окружающем пространстве, требуемым для собственной адаптации новым условиям жизни, что выразилось в использовании следующего природного, доступного сырья. Важно отметить, что понятие *кедь* («кожа животного») в мокшанском языке может обозначать и кожу / кору стеблей растений, вероятно по ассоциации с близостью качеств (гибкость, мягкость, прочность) [13, С. 189]. Стремление женщины сохранить накосник демонстрирует неизменность и актуальность существующей в культуре знаковой системы костюма, предпочтение прочным материалам при изготовлении костюма.

Заключение

В конце I тысячелетия н.э. наиболее распространенными материалами для изготовления одежды мордовского народа были кожа и мех, самотканый холст; в археологических памятниках встречаются образцы привозной, шелковой ткани, парчи. Кожа и мех использовались мордовским народом в качестве сырья для создания костюма и других необходимых изделий для обмена с соседними племенами. Металлы, издавна украшавшие костюм человека, наиболее широко стали использоваться мордовскими женщинами во второй половине I тыс. н.э. Среди металлических украшений были изделия, изготовленные из бронзы; встречались детали украшений со следами позолоты; популярны были серебряные изделия, а также оловянные, часто рассыпавшиеся на глазах исследователей-археологов. Произведения ювелирного искусства мордовских мастериц демонстрируют высокий уровень развития культуры, сохранение древних ремесел, традиции обработки сырья и способов производства, удовлетворяющих жизнеобеспечению человека на территории Среднего Поволжья.

Кожа и металлы, благодаря созидательной деятельности женщины, использующей их для изготовления традиционного костюма, наполнялись глубиной смысловых взаимосвязей и самостоятельной ценностью в культуре, будучи эквивалентом практической, магической, эстетической, экономической ценности. Разнообразие свойств используемого сырья позволяло передать информацию о носителе костюма, об особенностях культуры и окружающем мире. Предмет одежды в итоге получал цвета, фактуры, качества, неотделимые от характеристики созданного предмета. Накосник *пулокерь* соответствовал стилю средневековья с доступными в натуральном хозяйстве материалами; известными женщине техническими возможностями обработки сырья и способами производства. Длительность бытования накосника обусловлена правилами традиционного быта, религиозными канонами и эстетическим идеалом народа; важной ролью сложного головного убора в женском традиционном костюме и широким диапазоном функций в быту и обрядах, что подлежит еще дальнейшему исследованию.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века / Г. Н. Белорыбкин // Западное Поволжье в средние века. — 2003. — URL: https://studylib.ru/doc/3949039/belorybkin-g.n.--zapadnoe-povolzh_e-v-srednie (дата обращения: 06.12.2023).
2. Жилина Н. В. Общие закономерности в развитии средневекового убора из украшений в связи с костюмом / Н. В. Жилина // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2022. — С. 3–33.
3. Захаржевская Р. В. История костюма: От античности до современности / Р. В. Захаржевская. — Москва : РИПОЛ классик, 2005. — 288 с.
4. Иванов П. П. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник / П. П. Иванов. — Моршанск : Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. — 232 с.
5. Килошенко М. И. Психология моды / М. И. Килошенко. — СПб. : Питер, 2014. — 320 с.
6. Королева М. С. Текстильные и кожаные изделия из мордовских могильников I – начала II тысячелетия н. э. : автореф. дис. ... канд. историч. н. : 5.6.3 / Королева М. С. — Казань, 2023. — 22 с.
7. Королева М. С. Характеристика кожевенного сырья из мордовских могильников IV–XI вв. / М. С. Королева // Центр и периферия. — 2022. — № 1. — С. 18–23.
8. Кузьмина О. В. Абашевская культура в Самарском Заволжье / О. В. Кузьмина // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. — Самара : Офорт, 2019. — С. 56–63.
9. Кузьмина О. В. Энеолит и бронзовый век / О. В. Кузьмина // Археология Волго-Уралья: Абашевская культура. — Казань : ИА АН РТ, 2021. — 2 т.
10. Иванов П. П. Материальная культура средне-цинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 гг) / П. П. Иванов. — Саранск : Морд. кн. изд-во, 1969. — 175 с.
11. Мимоход Р. А. Средневожская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету / Р. А. Мимоход // Археология евразийских степей. — 2022. — № 2. — С. 122–150.
12. Петербургский И. М. Вадская мордва в VIII–XI вв. / И. М. Петербургский, В. Н. Аксенов. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2006. — 146 с.
13. Русско-мокшанский словарь. — Саранск, 2012. — 560 с.
14. Степанов П. Д. Андреевский курган: К истории мордов. племен на рубеже нашей эры / П. Д. Степанов. — Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. — 108 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986. — 672 с.
16. Цыганкин Д. В. Этимологиянь валкс / Д. В. Цыганкин, М. В. Мосин. — Саранск : Мордов. ун-та, 2015. — 228 с.
17. Шаронов А. М. Масторава / А. М. Шаронов. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. — 460 с.
18. Шаронов А. М. Мордовский героический эпос / А. М. Шаронов // Мордва. Очерки по истории этнографии и культуре мордовского народа. — Саранск : Мордов. кн.изд-во, 2004. — С. 532–545.
19. Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы / Т. А. Шигурова. — Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2012. — 156 с.
20. Шигурова Т. А. Семантика меха в костюме мордвы / Т. А. Шигурова // Человек и культура. — 2020. — № 2. — С. 24–36.
21. Шигурова Т. А. Накосник пулокерь как компонент мокшанского национального костюма: к проблеме генезиса и этнокультурных смыслов / Т. А. Шигурова // Человек и культура. — 2023. — № 3. — С. 59–88.
22. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. — Москва : Политиздат, 1976. — 240 с.
23. Масторава: Кемгавксово ёвтамот эрзянь ды мокшонь раськетнеде // Эрзянь ды мокшонь кезэренъ пингень мифтнень, эпической моротнень ды ёвтамотнень коряс сёрмадызе А. М. Шаронов. — Саранск : Мордовской кн. ид-вась, 1994. — 496 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belorybkin G. N. Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka [The Western Volga Region in the Middle Ages] / G.N. Belorybkin // Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka [The Western Volga Region in the Middle Ages]. — 2003. — URL: https://studylib.ru/doc/3949039/belorybkin-g.n.--zapadnoe-povolzh_e-v-srednie (accessed: 06.12.2023). [in Russian]
2. Zhilina N. V. Obschie zakonomernosti v razvitii srednevekovogo ubora iz ukrashenij v svyazi s kostjumom [General patterns in the development of medieval headdress from jewelry in connection with costume] / N. V. Zhilina // Zhenskaja tradicionnaja kul'tura i kostjum v jepohu Srednevekov'ja i Novoe vremja [Women's traditional culture and costume in the Middle Ages and Modern Times]. — Tver' : Tver. gos. un-t, 2022. — P. 3–33. [in Russian]

3. Zaharzhetskaja R.V. Istorija kostjuma: Ot antichnosti do sovremennosti [The history of costume: From antiquity to the present] / R. V. Zaharzhetskaja — Moscow : RIPOL klassik, 2005. — 288 p. [in Russian]
4. Ivanov P. P. Materialy po istorii mordvy VIII-XI vv. Krjukovsko-Kuzhnovskij mogil'nik [Materials on the history of Mordovia of the VIII-XI centuries. Kryukov-Kuzhnovsky burial ground] / P. P. Ivanov. — Morshansk : Izdanie Morshanskogo kraevedcheskogo muzeja, 1952. — 232 p. [in Russian]
5. Kiloshenko M. I. Psihologija mody [Psychology of fashion] / M. I. Kiloshenko. — SPb. : Piter, 2014. — 320 p. [in Russian]
6. Koroleva M. S. Tekstil'nye i kozhanye izdelija iz mordovskih mogil'nikov I – nachala II tysjacheletija n. je. [Textile and leather products from the Mordovian burial grounds of the I – beginning of the II millennium A.D.] : abstract. ...cand. Historical n. : 5.6.3 / Koroleva M. S. — Kazan, 2023. — 22 p. [in Russian]
7. Koroleva M. S. Harakteristika kozhevnogo syr'ja iz mordovskih mogil'nikov IV-XI vv. [Characteristics of leather raw materials from Mordovian burial grounds of the IV-XI centuries] / M.S. Koroleva // Centr i periferija [Center and periphery]. — 2022. — № 1. — P. 18–23. [in Russian]
8. Kuz'mina O. V. Abashevskaja kul'tura v Samarskom Zavolzh'e [Abashev culture in the Samara Volga region] / O. V. Kuz'mina // 40 let Srednevolzhskoj arheologicheskoj jekspedicii. Kraevedcheskie zapiski [40 years of the Middle Volga archaeological expedition. Local history notes]. — Samara : Ofort, 2019. — P. 56–63. [in Russian]
9. Kuz'mina O. V. Jeneolit i bronzovyj vek [The Eneolithic and the Bronze Age] / O. V. Kuz'mina // Arheologija Volgo-Ural'ja: Abashevskaja kul'tura [Archeology of the Volga-Urals: Abashevskaya culture]. — Kazan : IA AN RT, 2021. — 2 t. [in Russian]
10. Ivanov P. P. Material'naja kul'tura sredne-tsninskoj mordvy VIII–XI vv. (Po materialam raskopok P. P. Ivanova za 1927–1928 gg) [The material culture of the Middle Tsninsk Mordovia of the VIII – XI centuries (Based on the materials of P. P. Ivanov's excavations in 1927–1928)] / P. P. Ivanov. — Saransk : Mord. kn. izd-vo, 1969. — 175 p. [in Russian]
11. Mimohod R. A. Srednevolzhskaja abashevskaja kul'tura i kul'tura kolokolovidnyh kubkov: nabroski k semejnomu portretu [The Middle Volga Abashev culture and the culture of bell-shaped cups: sketches for a family portrait] / R. A. Mimohod // Arheologija evrazijskih stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]. — 2022. — № 2. — P. 122–150. [in Russian]
12. Peterburgskij I. M. Vadskaja mordva v VIII–XI vv. [The Vadskaya Mordva in the VIII–XI centuries] / I. M. Peterburgskij, V. N. Aksenov. — Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2006. — 146 p. [in Russian]
13. Russko-mokshanskij slovar' [Russian-Moksha dictionary]. — Saransk, 2012. — 560 p. [in Russian]
14. Stepanov P. D. Andreevskij kurgan: K istorii mordov. plemen na rubezhe nashej ery [Andreevsky Kurgan: Towards the history of the Mordovians. tribes at the turn of our era] / P. D. Stepanov. — Saransk : Mordov. kn. izd- vo, 1980. — 108 p. [in Russian]
15. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language] / M. Fasmer. — Moscow : Progress, 1986. — 672 p. [in Russian]
16. Tsygankin D. V. Etimologijan' valks [Etymological dictionary] / D. V. Tsygankin, M. V. Mosin. — Saransk : Mordov. un-ta, 2015. — 228 p. [in Russian]
17. Sharonov A. M. Mastorava [Mastorava] / A. M. Sharonov. — Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2019. — 460 p. [in Russian]
18. Sharonov A. M. Mordovskij geroicheskij epos [The Mordovian Heroic Epic] / A. M. Sharonov // Mordvins. Essays on the history of ethnography and culture of the Mordovian people. — Saransk : Mordov. kn.izd-vo, 2004. — P. 532–545. [in Russian]
19. Shigurova T. A. Semantika kartiny mira v traditsionnom kostjume mordvy [The semantics of the worldview in the traditional Mordovian costume] / T. A. Shigurova. — Saransk : Mordov. kn. izd-vo, 2012. — 156 p. [in Russian]
20. Shigurova T. A. Semantika meha v kostjume mordvy [Semantics of fur in a Mordvinian costume] / T. A. Shigurova // Chelovek i kul'tura [Man and culture]. — 2020. — № 2. — P. 24–36. [in Russian]
21. Shigurova T. A. Nakosnik puloker' kak komponent mokshanskogo natsional'nogo kostjuma: k probleme genezisa i etnokul'turnyh smyslov [Nakosnik puloker as a component of the Moksha national costume: on the problem of genesis and ethnocultural meanings] / T. A. Shigurova // Chelovek i kul'tura [Man and culture]. — 2023. — № 3. — P. 59–88. [in Russian]
22. Engel's F. Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the State] / F. Engel's. — Moscow : Politizdat, 1976. — 240 p. [in Russian]
23. Mastorava: Kemgavksovo jovtamot jerzjan' dy mokshon' ras'ketnede [Mastorava: Kemgavksovo automatic erzyan dy mokshon rasketnede] // Jerzjan' dy mokshon' kezjeren' pingin' miftnen', jepicheskij morotnen' dy jovtamotnen' korjas sjormadyze A. M. Sharonov [Erzyan dy mokshon kezjeren pingin miften, epic morotnen evtamotn koryas sermadyze A. M. Sharonov]. — Saransk : Mordovian Publishing House, 1994. — 496 p. [in Mordovian]